

ПРОЩАНИЕ с Зальцбургом происходит на высокой горе. Над нами звезды, словно спелые яблоки. Если сильно их потрясти, они, вероятно, посыплются на голову. Доктор Фоллер растягивает маленький аккордеон и по-русски поет знакомую песню. Под грою слова — Австрия, справа — Федеративная Республика Германии, а мы стоим на горе и поем «Подмосковные вечера».

— Где вы научились русскому?
— В немецком концлагере. Там были русские парни. Большинство приезжающих в Австрию видят этот лагерь, но большинство находившихся в лагере больше не увидели Австрии.

— А что это за черное здание, напоминающее пустынный замок торжественной кисти Бёклина?

Здесь жил и работал австрийский писатель Стефан Цвейг. Штурмовики сожгли его библиотеку, его романы, его портреты. За несколько часов до налета писатель успел вместе с женой уехать за границу. Позднее, в Южной Америке, они покончили жизнь самоубийством. Сегодня дом Цвейга купил западногерманский фабрикант оружия, вооружавший гитлеровскую военную машину. Им уже истрачены десятки миллионов шиллингов на электрическую и другую сигнализацию против похитителей картин. Германский фабрикант будет показывать в замке австрийцам свои художественные коллекции. Если здесь выставят пропавшие часы Моцарта, в третий раз их, вероятно, уже не украдут.

Новый фашизм делает все, чтобы забыли старый. И для этого сейчас, как и в прошлом, он подделывается под мещанина.

Трагический Маутхаузен. Он между Зальцбургом и Веной. Здесь, в каменоломнях, вместе с узниками

Европы австрийские заключенные до изнеможения разбивали каменные глыбы и втаскивали их в гору на плечах. Истощенных и слабых пристреливали. В бараках, рассчитанных на пятьдесят человек, гнездились пятьсот.

Сегодня лагерь умыт, подстрижен, вычищен, покрашен. Он стал похож на санаторий. Туристам нужно показывать красивое. Европейский мещанин хочет развлечься, он не прочь даже вспомнить про-

все вокруг, возводит в идеал уродство.

В Вене охотнее всего посещают выставку картин художника Шилле. Он пишет обнаженных женщин. Это не ново. Прекрасные тела всегда были прекрасны. Но его женщины уродливы, как каракатицы. То они гнусны, как жабы, то тупо оболванены, как бензобаки, то отравительны, как вставшие из морга. Как нужно ненавидеть жизнь, чтобы рисовать тела тех, кто создает ее, с

все вокруг, возводит в идеал уродство.

И чудо! Юдас приходит.

НА СЦЕНЕ заброшенный спортивный барак. На черном фоне спортивные кольца для упражнений, как символ виселицы. Здесь собирается подпольная группа. Действие, которое показывает театр, происходит не сейчас, не вчера и не завтра. Вечно! Подпольщики ждут несчастного Юдаса. Его две недели пытаются в полиции. Признается? Выдаст? Что будет с ними?

И чудо! Юдас приходит.

Евгений ШАТУНОВСКИЙ

АВСТРИЙСКИЙ БЛОКНОТ

2. ПРАВО НА ДЕЗЕРТИРСТВО

шлось, но так, чтобы оно не тревожило его. И только изваяния скульпторов разных стран, расположенные перед входом в Маутхаузен, возвращают посетителя к сути безумного десятилетия в Центральной Европе.

Есть два искусства. Одно заставляет тебя делаться борцом, другое говорит — уйди из боя.

Право на дезертирство — вот основное, к чему стремится современный мещанин Европы. Поэтому политика сегодняшнего фашизма направлена на то, чтобы все забыли его вчерашнее лицо. Новый фашизм хочет, чтобы все поверили, что у него молочные зубы, и в искусство тоже кричит, что он «вне политики».

МЕЩАНИН Запада, обыватель, мелкий буржуа взбесился. Он ненавидит всех, кто отвлекает его от пищеварения и наслаждений напоминанием о горьком или призывами к идейной борьбе. Сегодняшний сверхмещанин не желает слышать о прекрасном. Он «презрел» и поломал все эстетические критерии искусства. Потому что, если любить прекрасное, его надо защищать, а защищать — значит, бороться. И он жадно обесценивает

такой изуверской злобой!

Молодой венский искусствовед, а заодно и некоторые посетители саркастически посмеиваются над нашей неприязнью к этому смрачному зрелищу.

— Вы просто в плену старинного представления о прекрасном, — говорят они нам. — Прекрасное теперь уродливо, а уродливое — прекрасно! Истинная суть свободы современного искусства — свобода выбора.

Вот, оказывается, в чем смелость сегодняшнего обывателя! Он хочет быть свободен от почитания, он жаждет пакостить все то, что заставляет верить, любить, преклоняться. Он против идейно наполненного искусства, потому что оно зовет к борьбе, а то время как всякая борьба, по его глубочайшей уверенности, ведет лишь к поражению.

Пожалуй, в наиболее чистом виде это настроение выразила пьеса И. Иерединого «Прощай, Юдас», которую мы увидели в венском театре в постановке господина Бушбека.

— О чем же эта пьеса?

— О самом главном, — отвечает господин Рольф Бушбек, — о праве на ничто.

— Убедим!

— Отпустили.

Он видит этот добрый мир друзей, пыльный спортивный мат, на котором можно так сладко растечься. Кусок черствой булки, которую ему, замирая от счастья, робко суят пятнадцатилетняя девочка. Она сама голодает. У нее нет денег, чтобы помочь больным родителям. Но она мечтает о будущем. Когда сидишь рядом с мужественным человеком, в которого влюблена впервые в свои пятнадцать лет, можно и помечтать.

Друзья по группе прогоняют девочку. Надо серьезно поговорить.

— Оставьте ее. Это же наше будущее.

— Брось. Лучше скажи, за сколько, Юдас, ты продал полиции Христа?

Юдас сражен. Его пытали две недели. Он никого не выдал.

— А почему же они тебя отпустили?

— Потому что я им ничего не сказал. Я объяснил, что я не знаю никакой группы.

Своего друга, вернувшегося после пыток, заговорщики подешивают на кольцах, как на дыбе.

Театр становится застывшим, и

зритель присутствует при пытке. Артист ведет спектакль подвешенный или скрюченный, иногда опущенный вниз головой, с затянутыми и вывернутыми назад руками.

Стучит в дверь девочка. Ей страшно. Что здесь происходит?

Подвешенный Юдас кричит, что отдыхает. Он хочет спать. «Иди домой!». Врывается полиция. Юдас узнает в полицейском своего палача, который его мучил в тюрьме. Но сейчас он ему кажется спасителем.

— Развяжите меня. Там есть ворот, который натягивает веревки. Опустите их. У меня вытянуты суставы.

— Погоди! Это мы всегда успеем. А за что они тебя пытали?

Юдас молчит. И пытка начинается сначала.

Юдас молчит. Пытки делаются сложнее. Зритель ерзает все больше. Театр театром, а видно, что актеру нехорошо. Юдас молчит. Он не хочет предать даже тех, кто его предал. Тогда вводят девочку. Теперь не его будут пытать, а ее. Пусть только скажет, где прячутся его друзья и Учитель. Он смотрит на кричащую девочку и вдруг понимает, что из-за него убивают то будущее, ради которого он сам боролся. В чем смысл его борьбы? Неужели в том, чтобы убить будущее ради будущего?

Он открывает полицию, где скрывается его Учитель.

В ЭТОМ ТЕАТРЕ антракты больше всего необходимы актерам, которых пытаются. И опять мы возвращаемся в барак. После долгого перерыва сюда пришел Юдас, чтобы повидаться с девочкой. Он стал богат и видел наяву то, о чем они мечтали. Он видел море, юг, солнце, музыку... Он видел прекрасный и легкий мир. Да, он был счастлив! Он пришел, чтобы передать ей деньги для ее бедных родителей. Вот они в сумке. Пусть она отнесет эти деньги голодным родным и пусть скажет ему только одно: «Прощай, Юдас».

Пока девочка занята содержимым сумки, Юдас поднимается вверх по шведской стенке. Взлетают кольца-петли. Девочка видит то, что скрылось от зрителей. Юдас висит под потолком. Он повесился, не вынес своего предательства. От крика девочки содрогается зрительный зал. Входит палач-полицейский. Он отнимает у девочки сумку с деньгами.

— Отдайте! Она моя! Юдас сам подарил мне эти деньги.

— Как не стыдно, дрянная этакая! Ты уже получила деньги за то, что выдала Юдаса, за то, что ты всех выдаешь.

Спектакль окончен. Закрывается занавес. Выходит, в мире нет правых. Человека обманывают все... Вот этот-то вывод как раз и нужен мещанину. Он свистит, топчет ногами и рукоплещет.

Мещанин прошлого всегда держался за какую-нибудь веру. Новый мещанин бежит от веры. Он ищет права на неверие. Пьеса «Прощай, Юдас» — гимн дезертирству, гимн мещанину, который, наконец, может громко сказать: «Я потому и не дерусь, что все, кто борется, — обманщики».

НЕВЕРИЕ как символ новой, бесчеловечной веры — самая характерная черта сегодняшнего сверхмещанина. Антиидейность — утонченная форма реакции, которая незаметно открывает дорогу махровому национализму. Конечно, если сегодняшнему сверхидиотке и супермещанину сказать, что он расчищает дорогу фашизму, он позеленеет от злости и вместе со слюной будет выбрасывать слова о свободе, демагогии и пропаганде... Однако неофашизм уже стреляет.

В эти же дни на главной улице Вены мы впервые столкнулись с остановившимся движением машин. Летели полицейские автомобили и мотоциклы. Они поворачивали встречный транспорт и пропускали его по боковым улицам. Покупатели выбегали из магазинов и вместе с пешеходами толпились у края тротуаров. По улице шли молодые люди. Они носили портреты Гитле-

ра, перечеркнутые жирным крестом. Они вздымали вверх скатые мулаки. Они многоголосым хором гневно скандировали, вызывая волнение в сердцах тех, кто их слышал:

— Вчера был Гитлер, сегодня — Шпрингер! Вчера стреляли в Дучке, завтра будут стрелять в нас!

Сверхмещанин отходит в сторону. Он криво улыбается. Ему неудобно. Полиция окружает демонстрантов плотным кольцом. Но сквозь полицию в ряды молодежи вливаются новые группы. Демонстрация ширится и стучит в сердце Вены: «Не спите! Деритесь! Фашизм не пройдет!».

Мы покидаем Вену. На одном из памятных мест, неподалеку от символической могилы Моцарта, стоит памятник советскому солдату — освободителю Австрии и Вены. Нам хочется положить цветы к его подножию. Мы их приносим с собой из цветочного магазина. Среди нас четырнадцать мужчин, все они занимают музыкаль, театром и искусством, и только сейчас выяснилось, что все четырнадцать — участники прошедшей войны. Да и среди женщин две тоже принимали участие в войне. Медленно подходим к аллее, где стоит памятник нашему солдату. Там очень много людей. Машины с рупорами, венки, речи... Что это?

Коммунистическая партия Австрии призвала жителей Вены вспомнить советских солдат, которые, разрушив ни одного здания Вены, освободили ее от гитлеровских армий смелым до дерзости броском. Ораторы напоминают, что советские люди отдали жизнь в борьбе за свободу и независимость Вены. Так берегите эту свободу, не отдавайте ее античеловекам своим дезертирством «в никуда».

Искусство всюет каждый день и каждый час. Оно не может быть в стороне. Оно всегда на чьей-нибудь стороне. Борьба взглядов захватывает все большее количество зрителей в театрах и выставочных залах Австрии.